📖

БЛАГОСТНЫЙ ДУРАК — NEMVARA · расширенный фрагмент 0–17

📖 **ПУБЛИЧНЫЙ ФРАГМЕНТ ДЛЯ NEMVARA.** Каноническая граница публикации: от предисловия и пролога до **главы 17 «Белуха и дом охотников» включительно**. Главы 18+ в этот фрагмент не входят.

БЛАГОСТНЫЙ ДУРАК

Пять тысяч рублей, рюкзак и дорога через Евразию

Диапазон фрагмента

Предисловие → Пролог → главы 1–17.

Финальная сцена фрагмента — Алтай, Белуха и открытый дом охотника. После неё читатель останавливается до Байкала.

Оглавление

БЛАГОСТНЫЙ ДУРАК

- Диапазон фрагмента
- Оглавление
- Предисловие

ПРОЛОГ. СПИСОК

- Как накопилось
- Список

Показания против тебя
ГЛАВА 1. РУКА ПОДНЯТА
Первый шаг
Поднятая рука
Первый водитель
Трасса «Дон»
ГЛАВА 2. АМИР
Дом Амира
Лошадь, лук, источник
BMW без номеров
ГЛАВА 3. ПРИЭЛЬБРУСЬЕ
Дорога в Кабардино-Балкарию
Аслан
К Эльбрусу
Чай в горах
ГЛАВА 4. ЧЕЧНЯ И ДОМБАЙ
Дорога в Чечню
Блокпост
Гостеприимство
Сплав по горной реке
Домбай
ГЛАВА 5. ДАГЕСТАН
В Дагестан
Сулакский каньон
Аулы
ГЛАВА 6. ГРУЗИЯ
Тбилиси
Швейцарцы

Сванетия

«Сегодня горы добрые»

Дальше

ГЛАВА 7. АРМЕНИЯ

Граница

Бархатная революция

Отставка

ГЛАВА 8. КАРАБАХ И АЗЕРБАЙДЖАН

Нагорный Карабах

Новая граница

«Ты шпион?»

Предложение руки и сердца

Что остаётся на дороге

ГЛАВА 9. РАФИК И СИНЯЯ АУРА

ГЛАВА 10. КРЫМ

Дальнобойщик Владислав

Лисья бухта

Игорь и репортёры

Амазонка

У костра

ГЛАВА 11. КАЗАХСТАН — ПЕРВЫЙ МАРШРУТ

Волки под Астраханью

Водитель

Атырау

Полиция

ГЛАВА 12. УЗБЕКИСТАН

ГЛАВА 13. ТАДЖИКИСТАН / ПАМИР

ГЛАВА 14. КИРГИЗИЯ

ГЛАВА 15. ПО ПУТИ НА АЛТАЙ

ГЛАВА 16. ВИКТОР

ГЛАВА 17. БЕЛУХА И ДОМ ОХОТНИКОВ

Предисловие

Эта книга основана на реальном путешествии и событиях, которые со мной происходили. Маршруты, люди, ошибки, случайности и большая часть деталей — настоящие. Некоторые имена изменены. Диалоги восстановлены по памяти: там, где точные слова не сохранились, я передаю смысл разговора, а не придумываю красивую стенограмму.

Я не писал эту историю как инструкцию по путешествиям, духовному развитию или правильной жизни. Тогда я просто хотел увидеть больше, попробовать больше и выполнить список, который однажды сам себе составил. Иногда это приводило в удивительные места. Иногда — в довольно идиотские ситуации.

Сейчас я смотрю на всё это немного иначе, но стараюсь не переписывать молодого себя задним числом.

Поэтому дальше — не легенда и не исповедь. Просто то, как всё было.

ПРОЛОГ. СПИСОК

Тот самый рюкзак перед стартом. Коврик, палатка, документы — и решение, к которому я шёл дольше, чем к самой дороге.

Рюкзак несколько дней стоял у стены возле двери. Красно-синий, нелепо большой для человека, который до конца ещё не решил, уезжает он или просто играет в путешественника. Я проходил мимо, смотрел на него и каждый раз откладывал момент, когда придётся поднять его на плечи.

Самое трудное было не собрать вещи. Самое трудное — выйти.

До этого момента всё ещё можно было считать подготовкой: список, разговоры, рюкзак у двери. После первого шага началась бы дорога.

К этому я шёл не один месяц. Не было одного дня, когда всё внезапно стало ясно. Просто прежняя жизнь постепенно переставала меня устраивать, а я всё дольше делал вид, что можно ничего не менять.

Как накопилось

С девушкой мы не расстались один раз и окончательно. Мы то сходились, то расходились, снова пытались начать сначала и через время приходили к той же точке. Это выматывало сильнее одного громкого разрыва: отношения вроде закончились, но никто до конца не вышел из них. Я переживал, но не ехал «из-за женщины». Эта история была не причиной пути, а ещё одним признаком того, что прежняя жизнь застряла.

Примерно тогда же прогорели деньги. Решил накопить и вложился в криптовалюту — на хайпе, как и положено новичку без опыта. Рынок объяснил мне, как это работает, быстро и без сантиментов.

А параллельно, уже какое-то время, во мне сидела другая мысль. Я смотрел в интернете на людей, которые куда-то едут — с рюкзаками, автостопом, без

плана. Смотрел и завидовал, если честно. Не картинка — свобода за ней.

Я сам из посёлка в Смоленской области. Работал на детских аттракционах в Смоленске — батуты, машинки, вот это всё. Обычная работа. Бегал регулярно, было приложение, следил за темпом — спортом занимался, не сказать что был в форме мечты, но и не разваливался. В один из периодов, когда мы снова были вместе, мы ездили автостопом на юг — так что само слово «дорога» было для меня не пустым звуком.

Гор я не видел. То есть видел — в Крыму, невысокие, скорее холмы с претензией. Настоящих — нет. Так можно было жить ещё долго. Я взял лист бумаги. Не планируя ничего. Просто чтобы занять руки.

И начал писать.

Список

Горы и мотоцикл

Настоящие. Не крымские холмы.

Бег, спорт, тело бодибилдера. Жим 150 кг.

Написал не потому, что это что-то новое, — потому что захотелось довести до предела. Не пробежка вечером, а что-то, что придётся заслужить.

Позже этот пункт я сам поднял: **150 кг превратились в 200 кг.** Оригинальную формулировку здесь оставляю такой, какой она была перед первым путешествием.

Автостоп, Азия

Уже знакомое ощущение — но захотелось не поездку на юг с девушкой, а вот так: одному, без даты возврата.

Оседлать лошадь и кочевать верхом. Пострелять из лука. Стоять на гвоздях. Жить в другой стране. Написать книгу.

Писал быстро, не давая себе времени подумать. Потому что если бы подумал — вычеркнул бы половину. Внутренний цензор работает именно так: ждёт паузы и заходит с готовым объяснением, почему это невозможно, несвоевременно, нереалистично. Я не дал ему паузы.

Список получился на несколько страниц. Неровный. Местами смешной. Пункт про лошадь стоит рядом с пунктом про финансовую независимость, подоить корову, ночь под звездами. Пункт про шпагат — рядом с пунктом про книгу. Суета, но честно.

📝 **Обрывок того самого списка:**

- [ ] Горы и мотоцикл. Настоящие, не крымские холмы
- [ ] Бег, спорт, тело бодибилдера — жим 150 кг
- [ ] Автостоп, Азия. Одному, без даты возвращения
- [ ] Оседлать лошадь
- [ ] Пострелять из лука
- [ ] Стоять на гвоздях
- [ ] Жить в другой стране
- [ ] Написать книгу

Показания против тебя

И вот это оказалось проблемой.

Пока желания живут в голове, с ними можно договориться: не сейчас, потом, когда будут деньги. Стандартный набор работает годами. Но мои привычные отговорки как раз дали трещину: накопленное я уже потерял, а «подходящего момента» можно было ждать бесконечно.

> Когда записано — договориться не получается. Это уже не мечта. Это показания против тебя.

Я смотрел на список и видел не только то, кем хочу стать, но и то, насколько мало из этого присутствовало в моей обычной жизни. Лист бумаги выглядел честнее моего расписания.

Самое интересное началось потом. Я его не выкинул. И не начал выполнять сразу. Я начал к нему возвращаться. Раз в пару месяцев открывал, читал. Он

не менялся. Я менялся — но не в ту сторону. Он становился упрёком. Как счёт, который не оплачиваешь: он не исчезает, он растёт.

Не было красивого решения. Не было знака свыше, хотя за пару дней до путешествия я объяснял знакомому, что и в повседневной жизни может кирпич на голову упасть, и по пути домой он реально передо мной упал со стройки. Просто в какой-то момент запас объяснений и отговорок кончился.

Собрал рюкзак. Поставил у двери. Стоял, смотрел на него — и не мог решиться. Меня слегка потряхивало. Никакой метафоры — обычная физиология.

Потом я надел рюкзак.

Вышел за дверь.

ГЛАВА 1. РУКА ПОДНЯТА

В рюкзаке — спальный мешок, военная палатка, котелок и документы. В кармане — пять тысяч рублей и сложенный вчетверо список.

Больше ничего. Ни плана, ни брони, ни обратного билета.

Первый шаг

Я стоял на окраине Смоленска и чувствовал, как внутри всё сжимается. Не страх даже — сомнение.

Ещё не поздно развернуться. Никто не узнает. Ничего не было.

У этого голоса уже тогда была своя интонация — спокойная, чуть снисходительная, будто он один здесь способен мыслить здраво. Пусть будет Джонни. Он ещё не раз подаст голос.

Я слышал, что путешествия меняют людей, и очень хотел в это поверить. Хотелось реабилитироваться — прежде всего перед собой. И хотелось увидеть, как живут другие люди, потому что свою жизнь я уже видел и, кажется, досмотрел до конца.

Поднятая рука

Я вышел на трассу и поднял руку.

Неуверенно поднял, если честно. Стоял слишком далеко от дороги, у самой обочины, и рука была не утверждением, а вопросом. Машины пролетали мимо. Одна, десятая, тридцатая. Некоторые водители смотрели с любопытством. Никто не останавливался.

Прошёл почти час.

Автостоп красиво выглядит на картинках. На дороге всё иначе: ты стоишь, машины летят, и с каждой пролетевшей внутри поднимается одна и та же мысль — может, это глупость. Может, вернуться.

Через какое-то время дошло: я стою слишком далеко от дороги.

Подошёл ближе. Руку поднял уже увереннее — как будто знаю, что делаю. Хотя не знал.

Первый водитель

Затормозил обычный седан. Обычный мужик за рулём. Опустил окно, посмотрел на меня, на рюкзак:

> — Куда?

> — На Кавказ еду на попутках, через Брянск. А дальше — как пойдёт.

Про кругосветку я говорить не стал. Не хотел пугать человека в первые тридцать секунд знакомства.

Он кивнул: садись.

Мы ехали какое-то время. Он расспрашивал не столько о маршруте, сколько о том, зачем я вообще в него ввязался. Спрашивал, откуда я, почему еду один, не страшно ли и что оставил дома. Я отвечал как есть: рассказал про работу на детских аттракционах, про расставание, потерянные деньги и список, который несколько месяцев не давал мне покоя. Он слушал без насмешки, иногда задавал уточняющие вопросы. Кажется, его удивляло не то, что я еду на Кавказ автостопом, а то, что я действительно однажды собрался и вышел.

Разговор то затихал, то снова возвращался. За окном тянулись поля, а я впервые рассказывал незнакомому человеку о своём решении так, будто оно уже стало реальностью.

Перед тем как высадить меня, он неожиданно полез в карман, достал пятьсот рублей и протянул мне:

> — Держи. На первое время.

Я не просил и даже не сразу понял, зачем он это делает. Он ничего не объяснил. Просто отдал деньги, пожелал удачи и уехал.

Я стоял на обочине с пятисоткой в руке и не мог понять, что сейчас произошло. Первый же водитель. Первый час пути. Я ещё ничего не сделал — а дорога уже начала отдавать.

Список лежал в кармане. Я его даже не открывал. А пункты уже начали выполняться сами собой.

> *Задним числом это легко превратить в знак судьбы. На деле — просто мужик расчувствовался, увидев молодого дурака с рюкзаком. Никакой мистики. Я тогда, правда, во всём был готов видеть знаки — такой был период. Сейчас бы просто сказал спасибо и не стал разводить из пятисотки философию.*

Трасса «Дон»

Через несколько дней, на трассе «Дон», пожилой водитель, устав, спросил, есть ли у меня права. Права были. Он передал мне руль и лёг спать. Я проехал за рулём чужой машины около тысячи километров — незнакомый человек доверил мне и машину, и собственную жизнь просто потому, что я стоял на дороге и куда-то шёл.

Тогда мне это казалось ещё одним подтверждением простой идеи: стоит выйти на дорогу — и мир почему-то начинает помогать.

Впереди был Кавказ. Пока я только ехал к нему — на чужих машинах, с пятью тысячами рублей, пятисоткой от первого водителя и всё ещё без обратного билета.

ГЛАВА 2. АМИР

ГЛАВА 2

АМИР

Ставропольский край

МАРШРУТ
Трасса «Дон» → Ставропольский край

ЭТАП
Первая неделя пути

ПУНКТЫ СПИСКА
лошадь · лук · горячий источник · премиальный автомобиль

После трассы «Дон» дорога покатилась легче. Останавливались разные люди — кто-то на пару часов, кто-то на весь день. Расспрашивали, куда еду и зачем, слушали про список, кто-то делился едой, кто-то просто желал удачи на прощание. Плохих почти не попадалось — в основном обычные доброжелательные люди, которым было любопытно, что за парень стоит на трассе с рюкзаком и явно не по делам едет.

Так, от машины к машине, я добрался до Ставропольского края.

Стоял на остановке на въезде в город, ждал следующую попутку. Вдруг с большой скоростью подлетает BMW, резко тормозит — и тут же сдаёт задним ходом прямо ко мне. Из машины выходит человек.

Звали его Амир.

Он подошёл, мы перекинулись парой фраз, познакомились. Потом он достал телефон, навёл камеру на меня и сказал в объектив, коротко, без пафоса:

> — Женя наш гость. Сейчас поедем на водопады, в ущелья. Всё покажу.

Как будто это всё объясняло.

Дом Амира

Амир жил в деревне Ставропольского края. В доме были мать, тётки, соседи, дети и большой стол. Меня посадили во главе. Я был незнакомым парнем с рюкзаком, но за столом это никого не смущало.

Еду приносили быстрее, чем я успевал отказаться. На Кавказе со словом «гость» спорить было бесполезно.

На следующий день Амир сказал:

— В соседней деревне праздник. Едем.

Лошадь, лук, источник

Там были скачки. Я впервые в жизни сел на лошадь. Живое, тёплое существо подо мной, которое дышит и двигается само по себе, — и я сидел верхом и думал: неделю назад я боялся поднять руку на трассе.

Потом дали лук. Настоящий, тугой, деревянный. Три стрелы.

Первая ушла в сторону. Вторая — в землю перед мишенью. Третья попала — почти в яблочко.

Люди вокруг отреагировали так, будто я выиграл соревнование. Я смотрел на стрелу в мишени и пытался не делать вид, что именно этого и добивался.

Вечером Амир отвёз меня к горячему источнику — природный бассейн под открытым небом. После дней дороги и пыли я залез в горячую воду, и тело расслабилось так резко, что я просто замер, глядя в небо, не понимая, как я вообще здесь оказался.

BMW без номеров

А потом было BMW без номеров.

Амир кинул мне ключи и сказал просто:

> — Садись.

> — Это твоя машина?

> — Моя.

> — А номера где?

Он посмотрел на меня так, будто я задал неправильный вопрос.

Поехали быстро. Горный серпантин, одна рука на руле, другой он жестикулировал — рассказывал про своего дядю, про веру, про то, как устроен мир. Мусульманин с убеждениями и без номеров на машине.

> — Слушай, — сказал я. — Не гони. Вдруг кто-нибудь выскочит на дорогу.

Он засмеялся.

Через тридцать секунд из-за поворота вышли коровы. Штук семь. Спокойно, уверенно, прямо поперёк дороги — как будто у них тут приоритет.

Амир не затормозил. Он начал лавировать — плавно, мимо одной, между второй и третьей, вдоль четвёртой — и мы уже проскочили, едем дальше.

Он повернулся ко мне:

> — Ты что, пророк?

Я смотрел в зеркало на удаляющихся коров.

> — Нет. Просто интуиция не подвела.

Он кивнул серьёзно. Как будто это был нормальный ответ.

✓ **ПУНКТЫ СПИСКА ЗАКРЫТЫ**

Неделю назад я боялся поднять руку на трассе. Теперь я гонял без номеров по горному серпантину с человеком, который считает себя пророком для коров. Прогресс, я считаю, налицо.

✅ ~~Оседлать лошадь~~

✅ ~~Пострелять из лука~~

✅ ~~Прокатиться на премиальном авто~~

✅ ~~Горячий источник~~
✅ ~~Праздник в чужой культуре~~

За несколько дней Амир закрыл сразу несколько пунктов моего списка. Не потому, что мир решил меня наградить. Просто он остановил BMW, сдал назад и забрал незнакомого человека с остановки.

ГЛАВА 3. ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

Дорога в Кабардино-Балкарию

Примерно через две недели после выхода из Смоленска — конец апреля — я добрался до Кабардино-Балкарии. После трассы «Дон» и Ставропольского края двигаться стало легче — я уже не дёргался после каждой проехавшей мимо машины и не считал долгое ожидание знаком, что пора возвращаться.

Ехал через Нальчик, потом Баксанское ущелье, Тырныауз, в сторону Терскола. Внизу, в долинах, весна уже чувствовалась, но чем выше поднимались, тем упрямее возвращалась зима — деревья стояли голые, а на земле лежал снег, будто календарь здесь не работал.

Аслан

В горном районе меня подобрал старый УАЗ. За рулём — мужчина лет пятидесяти, седеющая борода, спокойный тяжёлый взгляд. С ним двое сыновей, молчаливые.

> — Куда едешь? — спросил он через несколько минут.

> — К Эльбрусу. Посмотреть горы, подняться, насколько получится.

Он кивнул, помолчал и сказал, что сначала я поеду к ним — ночью одному в горах делать нечего. Я попробовал объяснить, что есть палатка и тёплый спальник. Спорить он не собирался:

> — Ты гость. Отказом хозяина не обижай.

Звали его Аслан. Приехали в село — каменный дом, большой двор, куры, за оградой шумят коровы, между взрослыми бегают дети. Жена Аслана почти сразу начала накрывать на стол: горячие лепёшки с сыром, домашний сыр, мёд, айран, мясо, только что снятое с огня. Последние дни я питался чем придётся, поэтому ел молча и быстро, не особенно заботясь, какое произвожу впечатление.

Аслан некоторое время смотрел на меня, потом спросил, откуда я такой взялся. Я рассказал про Смоленскую область, работу, список и про то, как привычная жизнь постепенно стала тесной, пока однажды я не собрал рюкзак. Он слушал, не перебивая, только уточнил, сколько денег я взял с собой. Услышав про пять тысяч, покачал головой — не осуждающе, скорее удивлённо. Потом сказал, что завтра покажет мне горы вблизи.

Ночевал я в отдельной комнате. Село стояло высоко, снег лежал у самого крыльца, хотя на календаре был конец апреля. Тишина после трасс, моторов и разговоров казалась непривычно плотной. Долго не мог уснуть — ещё недавно настоящие горы существовали для меня только на фотографиях, а теперь были где-то совсем рядом, за тёмными окнами.

К Эльбрусу

Утром мы вышли втроём — я, Аслан и его старший сын. Снег лежал сплошным слоем, не пятнами — под ногами хрустело и проваливалось, деревья вдоль тропы стояли голые, чёрные на белом фоне. С каждым часом подъёма зима становилась настоящей, а не той, что заканчивается по календарю.

Эльбрус открывался не сразу. За очередным перегибом склона гора вдруг становилась ближе и больше, чем казалась минуту назад. Два белых купола, седловина между ними, тёмные скальные выступы, торчащие из снега. Свет отражался от склонов так ярко, что резало глаза. Внизу, в долине, уже кричала весна — здесь её не было и в помине.

Мы дошли до места, откуда Эльбрус был виден целиком. Дальше начинался уже не обычный поход — для серьёзного восхождения нужны снаряжение, подготовка, акклиматизация. У меня не было ни кошек, ни верёвки, ни опыта работы на леднике. Был рюкзак, несколько тысяч рублей и уверенность человека, который две недели назад впервые вышел один на трассу. Этого хватило, чтобы добраться сюда, но не хватало, чтобы бездумно лезть дальше.

Аслан снял с плеча термос, разлил горячий чай по металлическим кружкам:

> — Дальше сейчас не надо. Сюда дошли — уже хорошо.

Мы сидели на снегу — вернее, на камне, который Аслан заранее очистил ногой, — и молчали. Ветер почти сразу срывал пар с кружек, руки в перчатках всё равно мёрзли. Передо мной стояла гора, которую раньше я видел только на экране. Теперь она занимала почти весь горизонт, а я пил горячий чай и пытался привыкнуть к мысли, что действительно сюда добрался.

Аслан говорил, что на Кавказе гость — не посторонний человек. Если он вошёл в твой дом, ты должен его накормить, дать место для ночлега, помочь в дороге. Не потому что он богат, беден, известен или чем-то полезен. Просто потому что оказался у твоей двери.

Я пил чай и смотрел на Эльбрус. Решать в этот момент, беглец я или путник, не требовалось. До горы я добрался; дальше без снаряжения лезть было нельзя.

Чай в горах

Вечером, уже в селе, я сидел у окна с чашкой кофе — той самой, обычной, не походной — и смотрел, как за стеклом темнеют заснеженные ели и гаснет свет на дальнем склоне. После целого дня на морозе тепло чашки в руках ощущалось почти физически, как отдельное, самостоятельное удовольствие.

Спустились мы к вечеру. Снова собрались за столом, разговаривали, смеялись. Уехал я через два дня — перед дорогой мне набили рюкзак едой, хотя он и без того был тяжёлым. Отказываться уже не стал.

Один из пунктов списка звучал просто: выпить кофе в горах Эльбруса. Я представлял это как отдельную цель, которую однажды придётся специально организовать. Она выполнилась дважды за один день — один раз на морозе, на камне, очищенном от снега, второй раз вечером, у тёплого окна в кафе.

Заметил я это только на спуске.

ГЛАВА 4. ЧЕЧНЯ И ДОМБАЙ

Дорога в Чечню

После Приэльбрусья я решил ехать дальше — в Чечню.

Поднял руку на трассе. Водители реагировали по-разному — кто-то спокойно, кто-то с явным удивлением. Один притормозил и повернулся ко мне всем корпусом:

> — Ты серьёзно, брат? В Чечню зачем?

> — Хочу посмотреть регион, пообщаться с местными. Путешествую автостопом.

Он задумался, потом неожиданно начал рассказывать, где в республике можно недорого арендовать лодку и сплавиться по горной реке — знал несколько мест, называл их так, будто сам там бывал не раз. Один из пунктов моего списка был как раз про сплав, так что я слушал внимательно.

> — Ну ты даешь, очень интересно, — добавил он, впрочем, беззлобно. — Садись.

Всю дорогу он меня инструктировал: сейчас там спокойно, но осторожность не помешает, одному по горам лучше не ходить, а если что — сразу говорить, что я гость.

Я кивал. Почти вся моя тревога была собрана из новостей и чужих рассказов. Собственного опыта Чечни у меня пока не было.

Блокпост

На одном из блокпостов машину остановили. Военный посмотрел документы водителя, потом перевёл взгляд на меня и задержался на рюкзаке.

> — Куда?

> — Регион посмотреть. Автостопом еду по Кавказу.

Он помолчал несколько секунд, потом едва заметно улыбнулся:

> — А, турист. Давай. Удачи в пути.

Дальше поехали. Недалеко от Грозного водитель высадил меня, пожал руку, сказал, что если что — звонить, он тут многих знает.

Гостеприимство

Люди иногда останавливались сами, ещё до того, как я успевал поднять руку. Спрашивали, куда иду, есть ли еда и хватает ли денег. Один пожилой чеченец, узнав, что я еду автостопом из Смоленской области, молча достал деньги и вложил мне в руку:

> — Возьми, помочь хочу

Я попытался отказаться. Он посмотрел на меня так, что стало понятно: отказ здесь — не скромность, а неуважение к тому, что он предлагает.

Сплав по горной реке

По одному из мест, которые называл водитель, я нашёл точку, где сдавали лодки в аренду — недорого, как он и обещал. Взял лодку и сплавился один.

Река ревела так, что собственные мысли терялись в шуме воды. Весло дёргалось в руках, будто хотело вырваться само. Холодная вода била в лицо, лодку подбрасывало, повороты появлялись быстрее, чем я успевал на них реагировать. Я грёб, стараясь держать курс, и почти не успевал смотреть дальше ближайшего изгиба реки.

В одном месте русло резко сузилось — впереди открылся порог. Вода ушла вниз так, будто из-под лодки выдернули опору. Влетел в него на скорости. Лодку подбросило, потом она тяжело ударилась о воду, и меня накрыло с головой. Я одной рукой вцепился в весло, другой — в борт. Лодку развернуло боком, бросило к камню. Ещё немного — и перевернуло бы, но течение вынесло на более спокойный участок, и лодка выровнялась сама.

Я сидел мокрый насквозь и пытался отдышаться. Сердце колотилось так, будто хотело выскочить. Рядом никого не было — только река, которая уже становилась спокойнее, и я, один, посреди этого спокойствия, всё ещё не до конца веривший, что не перевернулся.

В списке был сплав по реке. Теперь рядом с ним можно было поставить галочку, хотя несколько секунд в пороге сама идея казалась сомнительной.

Домбай

Потом был Домбай.

Поднимался пешком, тропа вилась между соснами и постепенно уходила вверх. Чем выше, тем меньше оставалось привычных звуков — исчезали голоса, шум машин, оставались только ветер, шаги, вода и собственное дыхание.

На одном из перевалов остановился и посмотрел вниз. Снежные вершины, облака, цепляющиеся за склоны, ущелья, уходящие куда-то в глубину.

Поход из списка состоялся. Ноги сообщили об этом раньше, чем я успел вспомнить про галочку.

Спустился к реке, развёл костёр, вскипятил чай в котелке. Ноги болели после подъёма, одежда пахла дымом, ветер проходил насквозь. Пил горячий чай и смотрел на воду — уже не пугающую, как в Чечне, а просто текущую мимо.

Денег было немного, ночлег не был запланирован заранее, и я не знал точно, куда поеду дальше. Зато вода была тёплая, чай — горячий, а ноги не болели впервые за неделю. На тот момент этого хватало.

ГЛАВА 5. ДАГЕСТАН

В Дагестан

Из Грозного я поехал дальше, в Дагестан. Вышел к трассе, поднял руку и стал ждать следующую машину.

Горы здесь были суше и каменистее. Дороги цеплялись за склоны, уходили в ущелья и поднимались к аулам над долинами.

Сулакский каньон

К Сулакскому каньону я вышел при сильном ветре.

Я стоял на самом краю. Внизу, метрах в тысяче, река лежала тонкой бирюзовой лентой — расстояние обманывало, всё внизу выглядело маленьким и почти ненастоящим, хотя разум понимал, насколько огромно пространство передо мной. Ветер поднимался прямо со дна каньона, бил в

лицо снизу вверх, и тело реагировало раньше головы — хотелось одновременно подойти ближе к краю и сделать шаг назад.

Я подошёл ближе, потом всё-таки отступил на шаг. Ноги отреагировали на высоту раньше, чем голова.

Аулы

Дальше были горные дороги и аулы. Меня подвозили, приглашали поесть и несколько раз предлагали ночлег. К этому моменту я уже научился не спорить с человеком, который решил накормить гостя.

Из Дагестана сильнее всего запомнился ветер, поднимавшийся со дна каньона, и бирюзовая река далеко внизу.

ГЛАВА 6. ГРУЗИЯ

Тбилиси

К Грузии я уже привык к автостопу. За плечами были Чечня, горная река и несколько ночёвок у людей, которых ещё утром я не знал. Чужая машина

больше не казалась отдельным испытанием — хотя расслабляться, как выяснилось позже, было рано.

Тбилиси встретил теплом и лёгким хаосом. Старые дома нависали над узкими улицами деревянными балконами, внизу текла Кура, в воздухе смешивались запахи хлеба, специй и нагретого камня. Город не пытался произвести впечатление и именно поэтому нравился. Я ходил по старым кварталам и ловил себя на мысли, что здесь можно было бы задержаться — не навсегда, но дольше одной ночи.

Швейцарцы

Из Тбилиси двинулся в сторону Сванетии, как обычно автостопом. На одной из трасс рядом остановилась машина с иностранными номерами — за рулём парень, рядом девушка, оба из Швейцарии, путешествовали по Кавказу на собственном автомобиле. Мой английский состоял из нескольких стандартных фраз, их русский был примерно на том же уровне —

разговаривали жестами, через переводчик в телефоне, обрывками знакомых слов. Я объяснил, что вышел из Смоленска с пятью тысячами рублей и еду без точной даты возвращения. Они переглянулись, улыбнулись и предложили ехать вместе.

Следующие три дня мы путешествовали вместе по Грузии — серпантины, древние деревни, ущелья и перевалы, дорога то шла вдоль обрыва, то ныряла в облака, то снова спускалась в долины. Они вели небольшой видеоблог о своём путешествии и сняли меня в одном из роликов — русский парень, который едет автостопом и сам не очень понимает, где окажется завтра.

Трёх дней, нескольких слов и переводчика в телефоне хватило, чтобы ехать вместе.

Прощаясь, они обняли меня и пожелали удачи. Я остался на обочине и ещё некоторое время смотрел вслед машине.

Сванетия

Дальше была Сванетия. Асфальт постепенно кончился, пришлось идти пешком. Воздух холодел, селения встречались всё реже. Над домами возвышались старые сванские башни — каменные, узкие, стоящие среди гор как след времени, когда каждый дом одновременно был жильём и крепостью.

В одном из высокогорных сёл пожилой мужчина пригласил меня в дом, накормил и налил чачи. Мы сидели за столом, и разговор шёл неторопливо: сначала о погоде и о том, каким выдался год, потом он расспросил меня, откуда я и далеко ли собираюсь идти. Услышав про весь маршрут, помолчал, будто пытался представить его целиком, и покачал головой. Потом заговорил о горах: как здесь живут зимой и что происходит с людьми, которые не уважают погоду. В какой-то момент он сказал:

> — Здесь горы сами решают, кого оставить, а кого отпустить.

Не знаю, говорил ли он это всерьёз или просто хотел припугнуть молодого путешественника. Но ночью, когда ветер бился в стены дома, фраза звучала уже иначе.

«Сегодня горы добрые»

Одной ночью на горной дороге меня подобрал местный водитель на старой машине. По запаху и манере говорить было понятно: до нашей встречи он уже успел посидеть за столом. Водка, шашлык, хорошее настроение. Вёл он слишком быстро — справа темнел обрыв, слева почти вплотную стояла скала, повороты начинались раньше, чем я успевал увидеть, что там дальше. Я держался за сиденье и несколько раз попросил его сбавить скорость.

> — Не бойся, брат, — ответил он. — Я здесь каждый камень знаю.

В этот момент из-за поворота показался встречный грузовик. Водитель резко дёрнул руль, машину повело, колёса скользнули по асфальту — на пару секунд стало абсолютно ясно, что знание каждого камня не делает человека бессмертным. Разминулись почти вплотную, остановились у самого края.

Он посмотрел на меня, засмеялся:

> — Видишь? Сегодня горы добрые.

Тогда я остался в машине. Сейчас вышел бы при первом безопасном случае — без рассуждений о доброте гор.

Дальше

Грузия осталась в памяти Тбилиси, тремя днями со швейцарцами, сванскими башнями, чужими столами и водителем, который слишком буквально положился на знание каждого камня.

На бумаге пункт про Грузию выглядел одной строкой. В рюкзаке к этому времени уже лежало значительно больше историй, чем вещей.

ГЛАВА 7. АРМЕНИЯ

Граница

В Армению я ехал через границу с Грузией.

Пограничник взял паспорт, поднял бровь, достал лупу — настоящую, как в кино — и начал сверять фото со мной.

> — Это вы?

> — Да.

> — Что-то не похож.

Я засмеялся:

> — Дорога, брат.

Он позвал коллегу. Тот тоже посмотрел, хмыкнул:

> — Сбреете бороду — будете похожи на фотографию.

Потом спросил с улыбкой:

> — Вы случайно не революционер? Знаете, что у нас происходит?

Я улыбнулся:

> — У меня своя революция. Внутри.

Они посмеялись, махнули рукой:

> — Проходи. Если увидишь Пашиняна — скажи, что мы его пропустили.

За границей стало заметно, что в стране происходит что-то большое: разговоры, флаги, перекрытые дороги.

Бархатная революция

В Ереван я попал прямо в разгар Бархатной революции.

Город кипел. Люди тысячами выходили на улицы, блокировали проспекты, мосты, метро. Пели, обнимались, скандировали: «Мерзир Сержин!» Никто не

бил стёкла, никто не жёг машины — это была революция без крови, но с невероятной внутренней силой.

Я шёл по городу с рюкзаком, пыльный, загорелый, с бородой, которую так и не сбрил. Дважды меня останавливали на импровизированных блокпостах — парни в обычной одежде, с флагами.

> — Откуда сам? Турист?

> — Путешествую автостопом по Кавказу. Хочу ехать дальше через Азию.

Они улыбались, пропускали, иногда предлагали воды или еды.

Я стоял на площади с рюкзаком и смотрел, как тысячи людей скандируют, обнимаются и перекрывают улицы. Мне не нужно было сравнивать их революцию со своим путешествием. Масштабы были очевидно разными.

Отставка

После отставки Сержа Саргсяна Ереван взорвался радостью. Люди обнимались на улицах, кричали, плакали. Я стоял среди них и улыбался, хотя к их победе отношения не имел — просто оказался в городе в нужный исторический момент.

На следующий день улицы всё ещё были полны людей, а мой маршрут шёл дальше.

ГЛАВА 8. КАРАБАХ И АЗЕРБАЙДЖАН

Нагорный Карабах

Пока был в Армении, я доехал до Нагорного Карабаха. Хотелось увидеть это место своими глазами, а не по фотографиям.

Ходил там, снимал, фотографировал. В какой-то момент рядом резко остановилась машина — военные. Спросили, что я здесь делаю, потребовали показать, что наснял. Проверили телефон, снимок за снимком, потом камеру. Я стоял и ждал, пока они убедятся, что я просто турист с рюкзаком, а не что-то похуже. В итоге отпустили — вежливо, но без лишних разговоров.

Дальше появилась практическая проблема: напрямую из Армении в Азербайджан я пройти не мог. Пришлось возвращаться через Грузию и Тбилиси, а уже оттуда двигаться к новой границе.

Новая граница

За границей стало суше. Вместо горных дорог всё чаще появлялись пыльные равнины и населённые пункты.

Первым же меня подобрал мужчина лет пятидесяти на старой «Волге» — в костюме, хотя ехал по пыльной просёлочной дороге.

> — Откуда? — спросил он.

> — Из России, автостопом.

> — Куда?

> — Пока в Баку, а дальше — как пойдёт.

Через несколько минут он кому-то позвонил. Я не понимал языка. Закончив разговор, сказал, что сначала мы заедем к его родственникам и там меня накормят.

«Ты шпион?»

Так я оказался в доме недалеко от Баку. На столе появились плов, свежие овощи, лаваш и чай. Семья расспрашивала о маршруте. В какой-то момент хозяин спросил, не шпион ли я. Я ответил, что для шпиона слишком заметно путешествую — с большим рюкзаком и без плана. Он засмеялся, но телефон и фотографии всё равно рассматривал внимательно.

Предложение руки и сердца

За столом была их взрослая дочь. Сначала родственники шутили, что неплохо было бы мне остаться. Потом разговор стал серьёзнее: спросили, женат ли я, предложили работу, дом и даже быстрый разговор с муллой.

Я благодарил и пытался объяснить, что собираюсь ехать дальше. Девушка молчала и улыбалась, а родственники ещё некоторое время убеждали меня не торопиться.

В итоге меня отпустили с пакетом еды.

Что остаётся на дороге

Когда я снова вышел на трассу, ситуация всё ещё казалась одновременно смешной и неловкой. Утром я не знал этих людей. Вечером они предлагали мне остаться, жениться и начать новую жизнь.

Я поднял руку. Следующая машина остановилась не сразу.

ГЛАВА 9. РАФИК И СИНЯЯ АУРА

Где-то между Владикавказом и Тбилиси меня подобрала старая тонированная «Приора».

Тонировка была такой, будто водитель не хотел знакомиться с внешним миром. Машина остановилась резко, я сел.

Водитель — лет сорока пяти, золотая цепь толщиной с палец, запах одеколона, смешанный с табаком и шаурмой. Не поздоровался, не спросил, куда мне. Просто поехал.

Молчание. Километр. Пять. Десять.

Потом он резко повернулся:

— Ну что, рассказывай.

Я рассказал коротко — про дорогу, автостоп, список, Кавказ. Он слушал и кивал:

— Да, да, да... Пипец, конечно. Ну нифига себе.

Снова замолчал. Я подумал, разговор закончился. Но нет.

— Слушай, ты вообще в теме? — сказал он.

— В какой теме?

Он ухмыльнулся:

— Я экстрасенс. Вижу ауру.

Я посмотрел на него. Удивления внутри не было — только спокойная мысль: ну конечно, почему бы и нет. Дорога, горы, золотая цепь, экстрасенс. Всё логично.

Он начал описывать мою ауру: синяя, с жёлтыми прожилками. Говорил, что впереди будет встреча с сильной длинноволосой женщиной и что у меня проблемы с деньгами.

Последнее предсказание не требовало особых способностей: я ехал автостопом с дешёвым рюкзаком и рассказывал про пять тысяч рублей.

Пауза.

— Если найдёшь пару соток на бензин — я сниму порчу.

Это был один из первых водителей, который прямо попросил денег.

— Денег у меня почти нет, — сказал я. — Только на еду.

— Не проблема, — ответил он. — Найдёшь.

— Не надо, — сказал я твёрдо.

Помолчали. Потом я всё же достал пару сотен и протянул ему. Не из-за порчи — хотел спокойно доехать до места и выйти.

Он взял деньги быстро, привычным движением, и сразу оживился — включил музыку, шансон, громко, про братву и волю, начал подпевать фальшиво, но с такой искренностью, что фальшь уже не имела значения.

Потом резко повернулся:

— Слушай, брат. А ты любишь секс?

Я посмотрел на него.

— В каком смысле?

— Ну... я иногда беру таких. Для компании. Ты не обижайся, просто спрашиваю.

Сказал спокойно, будто уточнял технический момент.

— Слушай, — ответил я ровно. — Давай просто доедем. Я выйду.

Он поднял обе руки от руля, что было странно, потому что одна должна была оставаться на месте:

— Всё, всё, брат. Без обид.

Дальше ехали молча. Довёз он меня до КПП, остановился, вышел, обошёл машину и обнял меня — крепко, как обнимают старых друзей.

— Береги ауру, братан, — сказал он серьёзно. — Если встретишь ту женщину — привет от Рафика передай.

Достал визитку, вложил мне в руку. Я посмотрел на неё уже когда он уехал: «Рафик. Экстрасенс. Снятие порчи. Любовь. Возврат мужа/жены». Внизу — номер и маленькая звезда, нарисованная синей ручкой.

Стоял у дороги, ноги слегка дрожали — не от страха, а от того, что напряжение наконец отпустило.

Я остался у КПП с визиткой экстрасенса в руке. Рафик уехал, шансон постепенно стих.

Сейчас я вышел бы из машины раньше — не из-за ауры, а после разговора о снятии порчи и «компании». Тогда я ещё слишком долго старался быть вежливым с каждым, кто меня подвозил.

ГЛАВА 10. КРЫМ

Дальнобойщик Владислав

По пути в Крым меня подобрал дальнобойщик Владислав на КамАЗе с новым кузовом. Сначала всё было спокойно — мужик как мужик, молчаливый, усталый. Говорили о всякой ерунде.

Но чем дальше, тем страннее он себя вёл. Говорил медленно, соображал туго, взгляд мутный. Вдруг он останавливает грузовик посреди трассы:

> — Слушай, купи мне пивка. Я тебя везу, отдохнуть хочу.

Я подумал: ладно, хрен с ним — взял деньги, сходил в магазин, купил бутылку.

Возвращаюсь — он открывает пиво и начинает пить прямо за рулём.

> — Ты что, уже пил до этого? — спрашиваю.

> — Да, я уже выпивши был, ёптырть.

И поехало.

Он вдавил газ, начал гонять. Обгонял фуры, подрезал, выскакивал на встречную.

> — Вот это моя тачка, я сюда новый двигатель поставил, смотри, как умею!

Я сидел и понимал: это пиздец. Машина летит, мужик пьяный, а я внутри.

В какой-то момент ему звонит жена. Слышно, как она орёт в трубку:

> — Ты что там, пьяный опять?! Я сейчас ментов вызову! ГАИ вызову!

Он послушал её, сбавил скорость и в итоге остановился.

Ночевать пришлось там же. У него в кабине было только одно спальное место. Я поставил палатку рядом с грузовиком. Спал вполглаза.

Утром я подошёл к нему:

> — Ну чё, как дела?

Он посмотрел на меня мутными глазами и сказал:

> — Не... я тебя даже не помню.

Я молча собрал вещи и пошёл на трассу стопить другую машину.

Лисья бухта

После Кавказа мне хотелось сменить горы на море. Я вернулся в Россию и поехал в Крым: собрал рюкзак, вышел на трассу, поднял руку.

В Крыму я уже бывал — вместе с девушкой, с которой мы то сходились, то расходились. Тогда это была наша общая поездка. Теперь я возвращался один, и тот же полуостров становился частью уже моего собственного маршрута.

Крым. Один из дней на побережье.

В этот раз Крым встретил меня Чёрным морем. Я зашёл в воду по грудь. Она оказалась холодной и ударила по телу, как пощёчина. Несколько секунд стоял неподвижно, привыкая к холоду, и смотрел на горизонт.

Я добрался до Лисьей бухты и присоединился к палаточному лагерю. Место было почти диким: море, камни, палатки, самодельные навесы и люди, которые по разным причинам выбрали жизнь вдали от обычного порядка. И пляж здесь был нудистский — весь лагерь так и жил, без одежды и, кажется, без особых комплексов по этому поводу. Женщины разного возраста и разной комплекции ходили так же спокойно, как остальные.

Пункт про нудистский пляж закрылся без подготовки: я просто оказался в лагере, где одежду считали необязательной.

Игорь и репортёры

В лагере было несколько парней, и, как назло, звали их одинаково — Игорь. Один из них — длинноволосый, бородатый, с постоянной улыбкой человека, который давно понял что-то важное, но не собирается объяснять это слишком понятно, — стал моим соседом по костру.

Как-то вечером мы курили траву — не могу сказать, что я в принципе сторонник таких вещей, но так вышло, и теперь это часть истории, которую есть что вспомнить. Мы сидели, изрядно расслабленные, и Игорь говорил о бесконечности, океане, свободе, о том, что человек только воображает себя отдельным от мира.

Тут из-за скалы появились репортёры. Девушка с микрофоном подошла и спросила:

> — Здесь ещё кто-нибудь есть?

Я показал в сторону шалаша, где сидела другая компания.

> — Да, там. Можете посмотреть, домик — шалаш прикольный.

Она вместе с оператором направилась туда. Через минуту от шалаша раздалось бодрое:

> — Здравствуйте, мы здесь фильм снимаем!

Дальше начался хаос. Один человек попытался быстро затушить косяк и едва не подпалил собственную бороду. Второй, не придумав ничего лучшего, забежал в море по пояс. Третий схватил оставшуюся траву и закричал кому-то:

> — Хватай! Не забудь пакет!

Мы с Игорем смотрели на это и смеялись до слёз. Он вытер глаза и сказал:

> — Бесконечность, брат. Даже когда тебя снимают, ты всё равно часть океана. Просто иногда эта часть очень быстро убегает в воду.

Амазонка

Через некоторое время ко мне подошли ребята проходившие вдоль берега, предложили присоединиться. Среди них была девушка, которая себя назвала амазонкой. Молодая, сильная, привыкшая к походам, явно ценившая движ больше комфорта. Она сняла с меня очки, посмотрела прямо в глаза:

> — У тебя красивые глаза. Пойдём с нами.

После нескольких месяцев дороги долгих раздумий мне уже не требовалось.

> — Пойдём.

Четыре дня мы шли пешком вдоль крымского побережья. Это был один из пунктов моего списка — отправиться в поход. Тропа вилась между скал, которые обрывались прямо в море. Мы проходили дикие бухты, где почти не было людей, поднимались по каменистым склонам, спускались к воде, снова карабкались вверх. Ветер приносил запах соли и сосен. Днём стояла жара, рюкзаки тянули плечи, одежда прилипала к телу от пота. Ночью мы разводили костёр и слушали море. В такой тишине начинаешь слышать не только воду, но и самого себя.

У костра

На третий вечер остальные уже разошлись по палаткам, а мы остались у костра вдвоём. Она долго молчала, смотрела на огонь, потом повернулась ко мне и сказала тихо, почти смущённо:

> — Я редко так быстро испытываю симпатию к человеку. Я обычно не такая. Не хочу торопить события.

Она слегка отвела взгляд, будто сама удивлялась тому, что говорила. Я ничего не ответил — слова только испортили бы всё. Мы просто

приблизились друг к другу и поцеловались.

Это был не тот поцелуй, который показывают в кино. Без красивой музыки, без громких признаний. Мы были уставшими, пропахшими дымом, морем и дорогой. Но именно поэтому всё казалось настоящим. В этом поцелуе смешались месяц одиночества, усталость пути, внезапное облегчение и лёгкий страх оттого, что другой человек так быстро прикоснулся к чему-то глубокому.

Между нами возникла близость — не игра и не попытка заполнить пустоту. Просто два человека встретились посреди огромного мира и за несколько дней стали друг другу ближе, чем некоторые становятся за годы.

На четвёртый день к нашей стоянке подошёл альпинист. Она сразу оживилась, начала разговаривать иначе, чаще улыбаться. Потом повернулась ко мне:

> — Я всегда хотела выйти замуж за альпиниста. За настоящего.

Сказала это прямо, ожидая реакции.

Внутри наступила тишина. Не ярость, не желание что-то доказывать — только понимание, что между нами началась игра, участвовать в которой я не хочу.

Я молча собрал рюкзак.

> — Ты уже уходишь? — спросила она.

> — Да. Мне нужно дальше.

Первые километры давались тяжело — в груди тонкая, острая боль. Хотелось обернуться, вернуться к костру, сделать вид, что ничего не произошло. Но я продолжал идти.

Доверие не означает, что нужно оставаться рядом с каждым, кто тебе понравился.

> *Сейчас я бы сначала сказал вслух, что именно меня задело. Но маршрут всё равно продолжился бы без неё.*

ГЛАВА 11. КАЗАХСТАН — ПЕРВЫЙ МАРШРУТ

Из Крыма я двинулся дальше на восток — через Астрахань и Казахстан в Узбекистан. Автостоп по-прежнему работал, но дорога стала жёстче.

Волки под Астраханью

Начинало темнеть. Ветер усилился. Я поставил палатку у дороги, в небольшой ложбинке. Вокруг была голая степь — ни деревни, ни огонька.

Ночью проснулся от того, что палатку трясло как в шторм. Песок и мелкий гравий били по ткани. Потом услышал шорох совсем рядом. Не ветер.

Выглянул в окошко. В лунном свете, метрах в тридцати, стоял волк. Потом появился второй. Они не выли и не приближались сразу — просто смотрели в сторону палатки.

Я взял нож, который лежал рядом, и замер. Нож против двух волков — план сомнительный, но других вариантов у меня не было.

Они ходили неподалёку минут десять. Один подошёл ближе, обнюхал воздух и отошёл. Потом оба исчезли в темноте.

До утра я больше не уснул.

Водитель

Там же, под Астраханью, меня подобрал мужчина на старой машине. Сначала ехали спокойно. Потом он несколько раз начал останавливаться посреди трассы без понятной причины. Говорил, что кого-то ждёт, смотрел в телефон, оглядывался.

В очередной раз он остановился в глухом месте.

— Останови, я выйду.

Он начал уговаривать ехать дальше. Я повторил жёстче:

— Останови машину. Сейчас.

Он остановил. Я забрал рюкзак и отошёл от машины. Несколько минут она стояла на месте, потом уехала.

После волков эта ситуация запомнилась сильнее. Волк хотя бы не делает вид, что просто решил тебя подвезти.

Атырау

На участке через Атырау меня подобрал водитель фуры. Он много лет возил грузы по этим дорогам и уже не удивлялся их состоянию.

Я забрался в кабину, устроил рюкзак и сказал, что попробую поспать на задней полке. Водитель посмотрел на меня и усмехнулся:

— Ну попробуй.

Через несколько минут стало понятно, почему он смеялся. Фуру трясло и скручивало на каждой яме. Скорость редко поднималась выше двадцати–тридцати километров в час. На некоторых участках триста километров занимали почти сутки.

Я лёг на полку и попытался уснуть. На первой же серьёзной яме меня подбросило. Потом ещё раз. Пришлось держаться за край, чтобы не слететь вниз.

Водитель время от времени поглядывал назад:

— Ну что, попробовал?

Я кивал и продолжал лежать, хотя никакого сна уже не было.

Полиция

На одном из участков нас остановили. Водитель вышел к сотруднику. Через приоткрытую дверь я слышал разговор.

— За что остановили?

Полицейский ответил спокойно:

— Будешь спрашивать причину — мы её найдём. Давай оплачивай.

Водитель вздохнул, достал деньги и вернулся в кабину. Судя по его реакции, ничего необычного не произошло.

Фура снова тронулась. В кабине гудел двигатель, под колёсами продолжались ямы, а впереди оставалась граница с Узбекистаном.

После этой дороги даже обычный ровный асфальт воспринимался как роскошь.

ГЛАВА 12. УЗБЕКИСТАН

После Казахстана Узбекистан ощущался почти как облегчение. Автостоп здесь работал удивительно хорошо. Стоило выйти к дороге и поднять руку — через несколько минут рядом уже останавливалась машина. По трассам ездили в основном Daewoo и Chevrolet. Иногда казалось, будто вся страна пересела на несколько одинаковых моделей, только разного цвета и года выпуска.

Водители почти всегда спрашивали одно и то же: откуда я, куда еду, почему один и где собираюсь ночевать. Но эти разговоры не утомляли. В вопросах было не подозрение, а искреннее любопытство. Услышав, что я путешествую автостопом через несколько стран, люди удивлялись, смеялись, звонили знакомым, приглашали поесть или переночевать.

Машины останавливались быстро. Несколько водителей приглашали поесть или предлагали ночлег, поэтому движение по стране шло легче, чем на предыдущем участке.

Дыни на границе

Почти сразу после перехода границы ко мне подбежал продавец.

— Дыни! Очень сладкие!

Перед ним лежали огромные зелёные дыни. Они пахли так сильно, что пройти мимо было невозможно. Я купил две — стоили они совсем недорого — и устроился с ними прямо на обочине.

Не помню, был ли у меня нож или продавец помог их разрезать, но сам вкус запомнился хорошо. Дыни были холодными, сочными и настолько сладкими, что сок стекал по пальцам и рукам. Я сидел у дороги, ел и никуда не торопился.

Сок стекал по пальцам, половина дыни лежала рядом на обочине. После пыльной трассы этого хватало.

Древние города

Я проехал по Узбекистану через Самарканд, Бухару и Хиву. До этого названия этих городов существовали для меня где-то между школьной историей и рассказами о Великом шёлковом пути. Теперь я ходил по их улицам с рюкзаком за плечами.

Самарканд запомнился Регистаном и голубыми куполами, которые будто собирали в себе цвет неба. Бухара — узкими улицами, старой кладкой и ощущением города, который слишком многое видел, чтобы куда-то спешить. Хива казалась почти декорацией, только настоящей: стены, минареты, дворы и сухой горячий воздух.

После древних площадей я снова выходил на дорогу и поднимал руку. Гостиницы и расписания экскурсий у меня не было.

Голубые купола стояли над улицами, по которым ехали старые Daewoo. Водители рассказывали про работу, детей и родственников в России.

Вечер с местными

Обычно я почти не пил. Но однажды в Узбекистане почему-то захотелось выпить пива. Возможно, накопилась усталость. Возможно, просто захотелось на один вечер перестать думать о маршруте, ночлеге и следующей машине.

Я познакомился с компанией местных ребят. В путешествии люди вообще сходятся быстрее: нет долгих проверок, социальных ролей и необходимости месяцами присматриваться друг к другу. Несколько вопросов — и вы уже сидите за одним столом.

Ребята пригласили меня в бар. Мы пили пиво, смеялись и рассказывали истории. Они расспрашивали про Россию, Смоленск и мой маршрут, удивлялись, что я еду один и заранее не знаю, где буду спать.

Я рассказывал про Кавказ, Грузию и Казахстан. Не пытался выглядеть человеком, который постиг дорогу и теперь знает о жизни больше остальных. Я всё ещё разбирался в происходящем на ходу. Просто теперь у меня уже появились истории, которые можно было рассказать за столом незнакомым людям.

Вечер получился простым: пиво, разговоры и смех. Никто не пытался сделать из встречи событие.

На следующий день я снова вышел на дорогу — с лёгким похмельем, тяжёлым рюкзаком и хорошим настроением. Впереди был Таджикистан.

Узбекистан остался в памяти страной, где люди не просто соглашались помочь. Казалось, им самим было приятно, что в их машине, доме или за их столом оказался гость.

> *После Казахстана, где я трясся в фуре сутки и платил полиции, дыня и бесплатный ночлег в Узбекистане действительно кажутся курортом. Никакого высшего смысла в этом нет — просто когда ты только что вылез из трясущейся фуры, любая дыня кажется раем в раю.*

ГЛАВА 13. ТАДЖИКИСТАН / ПАМИР

После Узбекистана Таджикистан ощущался почти другой стихией. Там были равнины, древние города, голубые купола и дороги, на которых машина останавливалась едва ли не раньше, чем ты успевал поднять руку. Здесь всё сразу стало вертикальным.

Горы поднимались над дорогой так резко, будто земля больше не собиралась быть удобной. Трассы цеплялись за склоны, внизу шумели бирюзовые реки, а за очередным поворотом могла открыться пропасть, от которой хотелось инстинктивно отодвинуться от окна.

Памир был не просто красивым. Слово «красивый» казалось слишком безопасным для того, что я видел. Эти горы подавляли своим размером. Высокие перевалы, разреженный воздух, ледники, сухие склоны и вершины, уходящие одна за другой до самого горизонта.

На высоте становилось тяжелее дышать, иногда кружилась голова. Я останавливался, смотрел вокруг и чувствовал одновременно две противоположные вещи: собственную незначительность и необыкновенную остроту жизни.

Рядом с такими горами невозможно долго изображать из себя центр мира.

КамАЗ

Однажды я шёл по дороге среди высокогорья. Воздуха не хватало, рюкзак тянул плечи, вокруг стояла такая тишина, что даже собственное дыхание

казалось слишком громким.

Рядом остановился огромный КамАЗ. Водитель приоткрыл дверь и спросил:

— Куда путь держишь, брат?

— Дальше в горы. Путешествую.

Он кивнул, будто встретить одинокого парня с рюкзаком посреди Памира было самым обычным делом.

— Садись. Подвезём.

Я забрался в кабину. Внутри было тепло, пахло соляркой, чаем и долгой дорогой. В машине ехали двое крепких таджика. Они посматривали на меня с интересом, но не устраивали допроса.

Через некоторое время напарник спросил:

— Ты один путешествуешь?

— Один.

— А ночевать сегодня есть где?

Я ответил честно:

— Пока не знаю. Палатка с собой. Где-нибудь поставлю.

Они переглянулись. Водитель немного помолчал, затем сказал:

— Поехали с нами. В деревне дом есть. Переночуешь по-человечески. Неудобно же одному в горах.

Он не уговаривал и не пытался показать, какой он хороший человек. Просто предложил место в своём доме, будто иначе поступить было бы странно.

Так я оказался в небольшом горном селе.

Гость

Меня посадили за стол. Поставили плов, хлеб и чай. Расспрашивали, откуда я приехал, куда направляюсь и почему путешествую один. Я коротко рассказал про Смоленскую область, автостоп и маршрут через Кавказ и Среднюю Азию.

Они слушали, кивали и улыбались.

— Молодец, что путешествуешь, — сказали мне.

Ночевал я на коврах под тёплым одеялом. За стеной хозяева тихо разговаривали, за окном шумела далёкая река. После дороги это тепло ощущалось почти физически — не только от дома и одеяла, но и от самого отношения ко мне.

Утром меня снова накормили, положили немного еды с собой и показали, как удобнее двигаться дальше. На прощание один из хозяев пожал мне руку:

— Возвращайся. Гость всегда найдёт место.

В Таджикистане эти слова не звучали красивой фразой для туриста. Особенно в горах. Там гостя действительно принимали как человека, за которого временно отвечал хозяин.

Я часто ночевал у местных. Иногда достаточно было подойти, поздороваться и объяснить, что я путешествую. Через несколько минут передо мной уже стояли чай, хлеб и еда. Никто не спрашивал, сколько я заплачу, и каждый раз люди скорее удивились бы самому вопросу.

Другая сторона

Но Таджикистан не был открыткой о безусловном гостеприимстве.

Однажды на горной дороге меня остановили несколько местных ребят. Сначала они разговаривали спокойно, затем попросили денег «на дорогу». Я ответил, что у меня самого почти ничего нет.

Они продолжили давить. Не угрожали прямо, но говорили всё настойчивее, подходили ближе, не давали просто закончить разговор и уйти. Ситуация становилась неприятной.

В итоге я отдал им немного сомов. Они забрали деньги и ушли.

Я остался на обочине и некоторое время просто сидел, глядя на дорогу. После домов, где меня кормили и укладывали спать бесплатно, этот эпизод неприятно отрезвлял.

Легко было решить, что одни люди хорошие, а другие плохие. Но всё выглядело сложнее. В этих местах красота соседствовала с бедностью, а гостеприимство — с тяжёлой жизнью, которая иногда выдавливала из человека не лучшие поступки.

Это не оправдывало их. Но и не позволяло превратить всю страну в красивую легенду.

Дальше по Памиру

Я снова вышел на дорогу. За спиной остались дом, ковры, плов и хозяева, которые положили мне еду с собой. В памяти сидел и другой эпизод — несколько парней, которым я отдал деньги только затем, чтобы спокойно уйти.

Сводить страну к одному из этих случаев было бы слишком удобно. Одни люди приняли меня как родственника. Другие увидели одинокого чужака с рюкзаком и решили надавить. Между этими встречами лежали Душанбе, горные деревни, ледники и дороги, державшиеся на склонах вопреки здравому смыслу.

Следующая машина появилась не сразу. Я стоял у трассы, смотрел на бирюзовую реку внизу и держал деньги глубже во внутреннем кармане.

ГЛАВА 14. КИРГИЗИЯ

После Таджикистана я перешёл границу в Кыргызстан, и пространство сразу изменилось.

Памир давил масштабом. Дороги там цеплялись за скалы, реки ревели внизу, а горы стояли вокруг, как стены. В Кыргызстане они казались другими — более округлыми, широкими, будто не запирали человека между собой, а давали ему место.

Воздух был чище. Небо — выше. После таджикских ущелий хотелось расправить плечи и просто смотреть вдаль.

Я снова ехал автостопом. Машины останавливались охотно, водители расспрашивали о маршруте, удивлялись, что я путешествую один. Один пожилой кыргыз спросил, куда я еду. Услышав про Иссык-Куль, одобрительно кивнул и начал объяснять, с какой стороны лучше подъезжать к озеру.

Иссык-Куль

Озеро появилось внезапно. До этого за окнами тянулись дороги, степь и горы, а потом пространство раскрылось — и впереди возникла огромная бирюзовая вода. С одной стороны Иссык-Куля лежала сухая земля, с другой поднимались снежные вершины Тянь-Шаня.

Я вышел на берег, снял рюкзак и некоторое время смотрел на воду. После нескольких недель дороги непривычно было никуда не двигаться.

Я зашёл в озеро по пояс. Вода оказалась холодной, тело сразу напряглось, дыхание стало резким. Но через несколько секунд холод перестал быть главным. Передо мной лежало озеро, за ним стояли горы, а над всем этим было огромное чистое небо.

Через несколько минут я вышел на берег, вытерся и стал искать место для палатки.

Проверка камнем

Ближе к вечеру, когда я уже присмотрел место для палатки, ко мне подошли трое местных парней.

— Брат, ты откуда?

— Из России. Путешествую.

— Один?

Я кивнул.

Они переглянулись, и самый разговорчивый из них сказал:

— Сейчас проверим, настоящий ли ты путешественник.

Я насторожился. Проверки от незнакомых людей в дороге бывают разными.

Они рассмеялись и показали на камни у воды:

— Кто дальше бросит.

Мы выбрали по камню и начали кидать их в озеро. Я проиграл. Причём без достойной борьбы. Для них берег Иссык-Куля был почти родным двором, а я подошёл к вопросу с излишней верой в российскую школу метания неизвестных предметов.

Один из парней посмотрел на место, куда упал мой камень, и вынес вердикт:

— Нормально. Для русского хорошо.

На этом проверка закончилась. Никаких сложных обрядов посвящения в путешественники не понадобилось.

Мы разговорились. Они спросили, откуда я еду, где ночую и зачем вообще отправился один через несколько стран. Я рассказал про Смоленскую

область, Кавказ, Узбекистан и Памир. Без длинных рассуждений о свободе. В дороге быстро учишься объяснять свою жизнь несколькими предложениями.

Парни пригласили меня к своим неподалёку.

В юрте

Внутри уже сидели родственники и знакомые. Меня приняли без лишних церемоний, но сразу как гостя. Поставили на стол лепёшки, мясо, налили кумыс. Люди спрашивали про Россию и маршрут, обсуждали дороги, смеялись над отдельными историями.

Пожилой мужчина, к которому остальные относились с заметным уважением, спросил, зачем я приехал в Кыргызстан.

Я ответил честно:

— Хочу увидеть, как здесь живут. И разобраться в себе.

Он расспросил, откуда я еду и сколько времени нахожусь в пути. Точных слов не помню. Разговор был о горах, дороге и о том, зачем я вообще отправился один.

Вечером мы сидели у костра. Они пели кыргызские песни, я пытался подхватывать хотя бы отдельные звуки. Получалось сомнительно, но никто не требовал от меня вокальной точности.

Один из парней предложил утром проехать верхом по окрестностям. Я согласился.

Верхом

На следующий день мы отправились по горным тропам. Лошадь шла уверенно, выбирая дорогу лучше меня. Ветер бил в лицо, вокруг открывались широкие долины и склоны, на которых почти не было следов человеческой суеты.

Лошадь выбирала тропу увереннее меня. Мне оставалось держаться и не мешать. Пункт про поездку верхом можно было считать выполненным — второй раз за маршрут.

Перед отъездом меня снова накормили, дали лепёшки и айран с собой, пожали руку и сказали, что я могу вернуться.

По краю неба

Дальше я снова ехал автостопом. На одном из горных участков остановился грузовик. За рулём — крепкий кыргыз по имени Аскар. Он вёз груз через перевалы и согласился подбросить меня примерно на сто пятьдесят километров.

Мы быстро нашли общий язык. Он спрашивал, откуда я еду, сколько уже нахожусь в пути и не страшно ли одному. Разговор шёл легко, без ощущения, что двое незнакомых людей должны срочно чем-то заполнить тишину.

Постепенно дорога начала подниматься. Сначала вокруг были зелёные склоны. Затем трава стала реже, появились камни, и вскоре грузовик уже медленно тянулся вверх по серпантину. С одной стороны стояла скала, с другой начинался обрыв.

Аскар вёл спокойно. Не суетился, не дёргал руль, иногда что-то тихо напевал себе под нос. По его движениям было видно: он ездил здесь много раз и знал, где нужно сбросить скорость ещё до того, как поворот появится перед глазами.

Чем выше мы поднимались, тем сильнее менялся воздух — холоднее, суше. Потом на стекле появились первые капли, а через несколько минут я понял, что это не дождь.

Шёл снег.

Было лето, а вокруг грузовика кружили белые хлопья. Они ударялись о лобовое стекло и сразу таяли. Склоны постепенно белели, облака оказались почти на одном уровне с дорогой, а некоторые лежали ниже нас. Внизу оставались маленькие озёра — яркие, бирюзовые, словно кто-то разлил воду между серыми хребтами.

Казалось, мы едем уже не по земле, а по узкой границе между горами и небом.

Аскар заметил, как я смотрю в окно, и улыбнулся:

— Красиво?

— Очень.

Аскар объяснял, где на этих перевалах нельзя разгоняться и почему лишнее движение рулём может закончиться плохо. Он говорил как водитель, который ездил здесь много раз, а не как человек, готовящий цитату для книги.

Мы проехали вместе около ста пятидесяти километров. На последнем перевале Аскар остановился. Я выбрался из кабины, закинул рюкзак на плечи. Ветер был ледяным, снег продолжал идти, хотя где-то далеко внизу оставалось лето.

Аскар показал направление:

— Тебе дальше вниз. Береги себя.

Я поблагодарил его. Он хлопнул меня по плечу, забрался обратно в кабину, и грузовик медленно ушёл за поворот.

Я остался один на дороге. За спиной были серпантины, снег среди лета и сто пятьдесят километров рядом с человеком, которого ещё утром я не знал.

Кыргызстан остался в памяти не как продолжение Таджикистана, хотя граница между ними находилась совсем рядом. У него был другой характер. Меньше тесноты, больше воздуха. Меньше ощущения борьбы с природой, больше возможности существовать внутри неё.

Узбекистан запомнился древними городами и людьми, которые радовались гостю. Таджикистан — высотой, суровостью и жизнью, которая не позволяла смотреть на горы как на красивую декорацию. Кыргызстан — пространством.

Бросок камней с местными парнями, ночёвка в юрте, лошадь среди гор, летний снег с Аскаром на перевале — вот и всё, что осталось от этих дней. Никакого откровения. Просто хороший день в хорошей стране.

ГЛАВА 15. ПО ПУТИ НА АЛТАЙ

После Киргизии я двигался в сторону Алтая — через Казахстан к Барнаулу. Рюкзак тянул плечи, водители задавали одни и те же вопросы, а я уже научился пересказывать весь маршрут за несколько минут.

К этому времени ехать одному стало утомительно. Каждый день новые машины и новые знакомства, но вечером рядом не было человека, который видел хотя бы предыдущий участок.

Где-то между Алматы и Семеем я ехал в очередной машине и увидел на обочине парня с небольшим рюкзаком. Он шёл пешком вдоль дороги. При нём были бутылка воды, губная гармошка и старый кнопочный телефон в

деревянном чехле, который он сделал сам. По виду сразу было понятно: не местный житель идёт до соседнего села, а такой же бродяга, как я.

Я попросил водителя остановиться:

— Давайте подберём, похоже автостопщик.

Водитель засмеялся:

— Давай твоего соратника заберём.

Парня звали Игорь. Длинные волосы, спокойный взгляд, тихая улыбка. С первого взгляда он казался немного не от мира сего, но мы быстро нашли общий язык. Он рассказал, что устал от прежней жизни — работа, неудачи в отношениях, постоянное ощущение, что всё идёт не туда. В какой-то момент просто решил сорваться с места. Хотел сначала поголодать, очистить организм, а потом пройти через Казахстан и Россию на юг, к отцу.

У меня оставалось немного денег, и я предложил помочь. Игорь отказался. Водитель угостил нас едой, и дальше мы ехали уже втроём. Игорь рассказывал о работе, отношениях и своём решении уйти.

В какой-то момент Игорь достал губную гармошку и начал играть. Мелодия была простой, но в кабине сразу стало тише. Водитель перестал говорить, я смотрел в окно, а за стеклом тянулась бесконечная казахстанская степь. Я много раз представлял, каким должен быть мой попутчик, но точно не ожидал встретить длинноволосого повара с гармошкой, самодельным чехлом для старого телефона и идеей начать путешествие с голодания.

Мы решили какое-то время ехать вместе — в сторону Алтая. По дороге заехали на озеро Балхаш и заночевали на пляже. На берегу стоял водный мотоцикл — кто-то из местных катал желающих. Я не удержался, взял пару кругов по воде, попросил Игоря заодно поснять на телефон. Пункт про водный мотоцикл закрылся между дорогой и вечерней дискотекой. Неподалёку проходила местная дискотека, музыка разносилась над водой далеко за полночь. Мы решили сходить. Потанцевали, посмеялись и на несколько часов перестали быть путешественниками, которые считают деньги и думают о следующей машине.

Дальше снова началась обычная дорога: долгие ожидания, тяжёлые рюкзаки, жара, нехватка сна. Особенно запомнились комары — они не просто кусали, а буквально съедали нас живьём. Средство от них мы нашли не сразу,

поэтому первые дни отбивались руками, залезали глубже в спальники и пытались убедить себя, что когда-нибудь организм перестанет замечать укусы. Организм не перестал.

Игорь оказался поваром не только по профессии, но и по устройству характера. Там, где я видел несколько дешёвых продуктов, он видел ужин. Покупал самые простые ингредиенты и готовил из них нормальную горячую еду. После дня на трассе это ощущалось почти как домашний комфорт.

С Игорем я впервые попробовал зарабатывать уличной музыкой. Незадолго до этого я купил у мастера лепестковый барабан. Когда деньги начали заканчиваться, мы остановились в небольшом городе, достали инструменты и начали играть. Игорь взял бубен, я поставил перед собой барабан.

Играть я почти не умел. Подбирал простые ритмы, старался попадать в то, что делал Игорь, и временами скорее мешал, чем помогал. Люди останавливались, слушали, кто-то бросал мелочь или купюры по пятьдесят и сто рублей. Мне почти ничего не давали, что было вполне справедливо. Но за несколько часов мы всё же собрали немного денег на еду и дальнейший путь.

Мы много разговаривали. Я рассказывал о предыдущих странах, Игорь — о работе и личных неудачах. Оба вышли на дорогу после периода, когда прежняя жизнь перестала устраивать.

Мы добрались через Семей до Барнаула. Там стало ясно, что дальше наши маршруты расходятся. Игорь собирался продолжить путь к отцу, я хотел ехать на Алтай. Мы попрощались без больших речей. Игорь поехал к отцу, я свернул на Алтай.

Снова пришлось ловить машины одному.

ГЛАВА 16. ВИКТОР

Мы с Игорем доехали до Барнаула, и там наши дороги разошлись. Он собирался продолжить путь через Россию к отцу, а я решил свернуть на Алтай. Хотел увидеть Горный Алтай не проездом: пожить среди гор, рек и кедров, пофотографировать, пройтись по местным дорогам. Был и другой

интерес — найти кого-нибудь из шаманов и попробовать понять, что в этих местах называют духовной традицией.

Я снова поехал один. Дальше были холодные реки, кедры, горные дороги и участки, где машина появлялась не сразу.

В первые дни один из водителей дал мне номер телефона.

— Виктор. Шаман. Позвони ему.

Я записал номер на бумажке, но звонить сразу не стал — только приехал, устал с дороги. На следующий день выяснилось, что дозвониться не получается. Пересмотрел запись и понял, что, скорее всего, пропустил одну цифру.

Вечером я стоял на развилке. Рядом остановился УАЗик, доверху набитый велосипедами. За рулём — русский парень с перстнями и кольцами на руках, рядом — местный алтаец.

Они спросили, куда я направляюсь. Я рассказал про Алтай, про список, про то, что ищу шамана, но потерял цифру в номере.

Водитель посмотрел на меня внимательнее:

— А какого шамана ты искал?

— Виктора. Только номер неправильно записал.

На несколько секунд в машине стало тихо. Потом он протянул руку и спокойно сказал:

— Виктор.

— В смысле?

— Я Виктор.

— О, встреча судьбоносная, — удивился я.

— Да, точно, — улыбнулся шаман

Мы поехали вместе. К вечеру я уже сидел рядом с ним в УАЗике и ехал в его деревню.

Виктор жил просто. У него постоянно кто-то останавливался: студенты, путешественники, люди, которые специально приезжали из других городов. Его снимали для телевидения, о нём знали далеко за пределами деревни, но

в обычной жизни вокруг него не было особой торжественности. Дом, животные, дрова, еда, приезжающие и уезжающие гости.

Кроме меня у него жил ещё один парень — уже около месяца, и, в отличие от меня, воспринимал происходящее спокойно, будто давно привык к местным правилам.

В первую ночь мне приснился очень яркий сон. Я находился в светлом месте, ко мне приходили красивые девушки. Утром рассказал об этом Виктору. Он выслушал и улыбнулся:

— Ко мне друг приходил.

Никаких дальнейших объяснений не последовало. Когда я пересказал сон тому парню, который жил уже месяц, он ответил почти сразу, без пафоса, как обычное объяснение:

— Ты через сон взаимодействовал с духами.

Я не понимал, как к этому относиться: верить, сомневаться или списать сон на усталость и разговоры предыдущего вечера. Решать сразу не стал.

Каждый день я помогал по хозяйству: ухаживал за животными, колол дрова. Иногда Виктор доставал бубен, отбивал размеренный ритм и пел горловым

голосом. Звук был низким и плотным; в доме прекращались разговоры, и все слушали.

Однажды Виктор сказал, что скоро я на некоторое время откажусь от мяса. При этом в тот же день накормил меня шашлыком. После поездки я действительно несколько месяцев не ел мясо. Совпадение это, внушение или моё решение проверить его слова — не знаю.

Он говорил и о моём будущем в целом. Какие-то предсказания позже совпали, другие — нет. Я не мог понять, где была интуиция, где наблюдательность, а где я сам начинал замечать только те события, которые подходили под сказанное.

В какой-то момент я почувствовал, что внутренне к этому не готов. Сказал Виктору прямо:

— У меня ощущение, что здесь происходит какая-то дьявольщина. Я к такому пока морально не готов. Мне нужно ехать дальше.

Он не стал спорить или обижаться. Просто кивнул, будто такой ответ тоже был частью пути. А я подумал, что после всего увиденного неплохо бы зайти в церковь — не потому, что вдруг во всём разобрался, а потому что по-настоящему обалдел от происходящего и хотел вернуться к чему-то понятному.

Я собрал рюкзак и поехал дальше, вглубь Горного Алтая. Держался принципиально автостопа. В сторону гор часто останавливались УАЗики, иногда с открытым верхом. Места в салоне не хватало, и я ехал сзади — среди вещей, людей, мешков, а иногда и скота. В лицо бил ветер, одежда покрывалась пылью, машина тряслась на каменистой дороге.

Где-то впереди маячила Белуха. До неё было далеко, но её заснеженный силуэт всё равно выделялся среди остальных гор. Я смотрел на неё и думал, что настоящий Алтай — не только шаманы, духи и странные сны. Это ещё и реки с ледяной водой, открытые УАЗики, пыльные дороги, кедры и горы, рядом с которыми человек перестаёт казаться себе центром мира. Ты мал по сравнению с пространством, погодой и вершинами, которые стояли здесь задолго до тебя. Но это не унижает — наоборот, делает жизнь плотнее.

Алтай дал мне ровно столько, сколько я мог принять в тот момент.

> *Не буду делать из этого вывод. Короче говоря: шаман, бубен, чужой дом, бесплатная картошка. Сейчас я бы, вероятно, быстрее спросил про Симку, чем про духов в снах. Но тогда я был готов поверить почти в любую чертовщину, если она приходила с гор и бубном.*

Самым удивительным осталась сама встреча с Виктором: получил номер шамана, потерял цифру, отложил звонок — а на следующий вечер встретил его на дороге. Можно назвать это совпадением. Наверное, так оно и было.

Дальше я двинулся вглубь Горного Алтая. Несколько дней ехал автостопом, а когда темнело, искал место у реки и ставил палатку. Мне нравилось засыпать под шум воды. Он не давал мыслям ходить по кругу: постепенно в голове становилось тише, оставались только холодный воздух, течение и ощущение, что сейчас от тебя ничего не требуется.

Однажды вечером я снова стоял на дороге и голосовал. Рядом остановился УАЗик, в котором сидели двое местных алтайца. Они оглядели меня и рюкзак с лёгким скепсисом — во взгляде читалось что-то вроде «moskвич какой-то приехал покрасоваться, с деньгами». Прямо они этого не спрашивали, но я почувствовал это достаточно ясно, чтобы объяснить самому, не дожидаясь вопроса:

— Я обычный парень, из Смоленской области. Еду автостопом, без денег особо.

Они переглянулись, и скепсис как будто отступил. Начали расспрашивать, откуда я, куда направляюсь и что вообще делаю один в горах. Я коротко рассказал про маршрут. Они посовещались между собой и предложили:

— Поехали с нами. Есть дом, можешь там пожить.

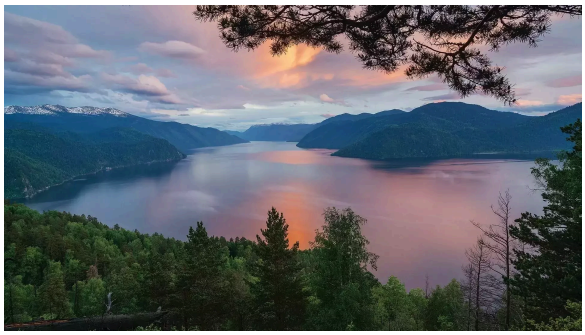
Они привезли меня в небольшую деревню. Дом был простой, деревенский, почти всегда открытый. Его хозяин, местный охотник, несколько дней назад ушёл в лес и никто точно не знал, когда он вернётся.

— Живи пока здесь, — сказали мне.

Они принесли картошку и молоко. Ничего особенного, если смотреть со стороны, но после нескольких дней дороги эта еда казалась роскошью. Горячая картошка, свежее молоко, крыша над головой — иногда человеку нужно совсем немного, чтобы снова почувствовать себя нормально.

Я был им благодарен. Они почти ничего обо мне не знали. Просто увидели незнакомого парня на дороге, выслушали его историю и решили помочь — без документов, без обещаний. Оставили еду, показали, где можно спать, и продолжили заниматься своими делами.

Я прожил в этом доме пару дней. Спал в тепле, выходил к реке, смотрел на горы и впервые за долгое время никуда не торопился. Я понимал, что всё равно должен продолжать путь, но эта остановка не воспринималась задержкой — скорее передышкой, которую дорога сама мне предложила.

Алтай продолжал учить меня простым вещам. Путь — это не только постоянное движение и способность терпеть трудности.

> *Или просто иногда тебе повезёт, и местные решат подкинуть тебя картошкой, вместо того чтобы ограбить. Не всё обязано иметь глубокий смысл. Иногда это просто картошка.*

ГЛАВА 17. БЕЛУХА И ДОМ ОХОТНИКОВ

После нескольких дней у Виктора я уехал. Интерес к происходящему не исчез, но оставаться дольше мне было некомфортно.

Дальше я направился в сторону Белухи.

На дороге меня подобрал старый УАЗ. Внутри везли что-то похожее на животных — не разобрал толком что, да это и не имело значения. Мужчины сначала присматривались, будто ждали от меня какой-то истории посерьёзнее. Оказалось, что везти особо нечего: обычный парень без денег стоит на трассе и едет туда, куда получится доехать.

Мы разговорились.

В какой-то момент выяснилось, что ночевать мне негде. Мужчины переглянулись и предложили вариант: пустой дом их друга неподалёку. Сам хозяин был в горах — охотился, и когда вернётся, никто точно не знал.

Дом стоял открытым.

Ничего ценного внутри не было, поэтому запирать было особо нечего. Я занял его на три дня.

Первое время я невольно прикидывал, как это будет выглядеть, если хозяин вернётся раньше, чем я уеду: заходит в свой дом, а там сидит незнакомый тип с рюкзаком. Но этого не случилось. За все три дня я его так и не увидел.

Дни прошли просто. Я гулял по окрестностям, фотографировал. Местные замечали чужого человека и иногда спрашивали, откуда я — короткие разговоры, без подробностей, обычное дорожное любопытство.

Перед тем как уехать, я оставил дом ровно таким же открытым, каким его застал.

Хозяина я так и не встретил.

После дома охотников я продолжил путь в сторону Белухи.

До самой горы я так и не дошёл. Был только в её окрестностях. Белуху видел — она была уже недалеко, но добираться до неё дальше не стал.

В общей сложности я провёл в этих местах примерно неделю. Ночевал в палатке, просто там, где удавалось остановиться. Иногда выбирал более закрытое место, иногда ставил палатку почти на открытом.

За эту неделю происходили разные мелкие дорожные вещи, но ничего одного, что стало бы отдельной историей, не запомнилось. Я просто продолжал двигаться, ночевал где получалось, смотрел в сторону Белухи и постепенно шёл дальше.

Белуха осталась рядом — увиденной, но не достигнутой.

🧭 **ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПУБЛИЧНЫЙ ФРАГМЕНТ NEMVARA.**
Дальше маршрут продолжится к Байкалу, Монголии и возвращению домой. Полная книга сохраняет эту часть за пределами открытого фрагмента.